

УДК 821.16

Татьяна Борисовна Панкратова,

соискатель,

Литературный институт имени А. М. Горького
(123104, Россия, г. Москва, ул. Тверской 6-р, 25-8),

e-mail: Terraincognita-825@yandex.ru

Неизвестные произведения В. А. Курочкина

Творчество Виктора Александровича Курочкина практически не исследовано в отечественном литературоведении и нуждается в расширенном изучении. Вероятно, причиной тому послужили смелые взгляды писателя по отношению к партии, которые он отображал в своих произведениях. В творчестве он стремился к воплощению художественной правды, не желая подстраиваться и угождать цензуре, не соглашался на компромиссы, как и многие его герои, отстаивая справедливость и свои взгляды. Но даже немногочисленная критика о его творчестве не рассматривает всех его произведений. Исследователи в основном обращаются к известным его работам, в то время как некоторые его произведения почти не известны читателю. Виктора Александровича Курочкина в отечественном литературоведении часто несправедливо представляют автором одной повести «На войне как на войне», весьма редко вспоминая о деревенских повестях («Наденька из Аполева», «Последняя весна», «Урод»), или же незаконченной повести «Железный дождь». Однако у Курочкина есть и драматургические, и сценарные опыты, интересные рассказы и фельетоны. В статье рассматриваются некоторые неизвестные и малоизвестные произведения писателя. Произведения анализируются как в контексте других произведений Виктора Курочкина, так и в контексте произведений писателей поколения Курочкина. О некоторых произведениях публично рассказывается впервые. Статья расширяет представление о творчестве Виктора Курочкина, подчёркивает особенности стилистики писателя и меняет представление о литературном процессе 1950–1960-х гг.

Ключевые слова: неизвестные произведения, статьи, фельетоны, юмор, ирония, природа, произведения о войне

Вводная часть. В 2016 году исполнилось 40 лет со дня смерти писателя Виктора Александровича Курочкина. Его творчество давно и прочно вошло в художественное наследие писателей фронтовой памяти. Повести и рассказы писателя не были обойдены вниманием критики. О нём написана книга С. Панферова «Земля и небо Виктора Курочкина: литературный портрет в интерьере из четырёх повестей». В Курочкину посвящены статьи Р. Мессер, Г. Горышина, В. Конецкого, Г. Нестеровой-Курочкиной, П. Басинского, С. Федякина и других. Его книги рассматривали в своих рецензиях В. Кожин, С. Орлов, В. Дягелев, Ю. Манн и многие другие. Однако некоторые произведения автора были изданы лишь после его смерти, многие не переиздавались по сей день и практически не известны исследователям и читателям. К примеру, фельетоны, которые В. Курочкин публиковал под псевдонимом, не переиздававшие рассказы «Пастух», «После концерта», «Маринка», «Цыган Бенко», «Беспокойная ночь», отрывок «Товарищи офицеры», повесть «Записки народного судьи Семёна Бузыкина»,

вышедшая без купюр лишь после смерти Курочкина. Эти и другие малоизвестные факты и произведения дают возможность увидеть общую картину творчества Виктора Курочкина, расширить представление о нём, увидеть развитие писательского таланта.

В нашей статье мы рассмотрим неизвестные и малоизвестные произведения В. Курочкина с целью выявления эволюции его творчества, основных особенностей и специфики прозы писателя. Кроме того, неизвестные и малоизвестные произведения проливают свет на замыслы писателя, открывая другого, незнакомого нашему литературоведению, Виктора Курочкина.

Данные о методологии и методике исследования. Культурно-исторический, герменевтический, сравнительно-сопоставительный методы, использованные в исследовании, дают возможность провести анализ художественных текстов и включить объект изучения в общекультурное пространство.

Основные положения и материалы работы могут быть использованы в учебном и исследовательском процессах.

Неизвестные и малоизвестные произведения В. А. Курочкина. О фельетонах, опубликованных в газете «Вперёд» г. Пушкина в 1953–1954 годы, когда Виктор Курочкин работал там корреспондентом, стало известно совсем недавно. Благодаря вдове писателя Г. Е. Нестеровой-Курочкиной и вдове друга писателя, Виктора Конецкого, Татьяне Конецкой был установлен этот интересный факт творческой биографии Виктора Курочкина. Дело в том, что он публиковал их под псевдонимом Василий Овсов и никогда о них не упоминал, как, впрочем, и о первом своём рассказе «Пастух», вышедшем чуть ранее, в 1952 году. Вероятно, писатель не считал их серьёзными произведениями, относился к своему творчеству критически строго. В анкете при вступлении в Союз писателей указывал, что литературным трудом занимается с 1956 года. Так, например, В. Конецкий заметил об этом факте: «Он был скромен. Начавши печатать отличные рассказы с пятьдесят второго года, в анкете он пишет: “Литературным трудом занимаюсь с 56-го года”» [7, с. 135].

Однако и в его корреспондентских статьях, и тем более в фельетонах, уже легко узнаётся писательская рука Виктора Курочкина, видны отличительные черты его стиля. В статьях о буднях колхоза появляется поэтическое описание природы: «Зима. Снег пышной периной окутал землю. Мороз крепок, трещит, зарисовывает узоры на окнах» (статья В. Овсова «Цветы к выборам»); «С утра показалось солнце. Оно скользнуло косыми лучами по сивым полям, позолотило деревья и медленно уплыло за лиловый край тучи. И всё поблёкло. Лужи не блестели и, словно налитые свинцом, отражали клочки хмурого неба» (статья В. Овсова «Энтузиасты»)¹.

Удивительно тонкое чувство красоты природы, единства с ней, присуще всем его произведениям и является отличительной чертой стиля писателя. Даже в военной литературе, где, казалось бы, нет возможности замечать красоту природы, Курочкин не обходится без неё: «Цвела земляника, цвела рябина, и черника цвела с можжевельником. А одуванчик уже отцвёл. Из жёлтой корзинки он превратился в дымчатый пузырь и готовился при попутном ветре разбросать по свету своё бесчисленное потомство»². В данном случае

важен и философский смысл, природа живёт сама по себе, по своим законам, человек не создает её, но уничтожает войной. Природа у Курочкина всегда живая, словно ещё один герой произведения, действующий, очеловеченный. Так, деревья у него часто символизируют людей, как например берёза в «Заколоченном доме» или яблоня в «Лесорубе» и «Последней весне», или же молодой дубок в повести «На войне как на войне», а животные становятся полноправными персонажами, а иногда и главными героями, как, например, в повести «Урод», в которой рассказывается о жизни искалеченного пса по кличке Урод.

Курочкин выстраивает живые и правдивые диалоги и одним из первых обширно использует их в своих произведениях. Например, в повести «На войне как на войне» Курочкин через диалоги раскрывает внутренний мир своих героев, почти вся повесть строится на них. В литературе 50–60-х диалоги ещё не имели такого значения, не выделялись и не занимали такую значительную часть произведения, преобладали, скорее, сюжетные коллизии. К примеру, первые военные повести Ю. Бондарева, Г. Бакланова и др. Этот вопрос подробно рассматривает в своих «Лекциях по истории русской литературы 20 века» И. Н. Сухих. Ведение повествования через диалог – находка Курочкина. Диалоги оживляют повесть. Вероятно, эта особенность таланта писателя обусловила и его успешные драматические и сценарные опыты.

Эту особенность стилистики В. Курочкина можно увидеть уже в фельетонах, например, «Глазовский застройщик» о нерадивом председателе, который все средства вложил в строительство собственного дома, также выстроен при помощи диалогов председателя, заведующего животноводством и шофёров:

– Иван, ты чего везёшь? – обратился он к колхознику Смирнову.

– Корма на скотный двор.

– Это хорошо... И, немного подумав, приказал, – сваливай.

– Зачем?

– Иван, ты нагрузи паклю и свези...

– Куда?

Анатолий Николаевич замылся:

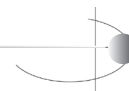
– Ко мне в Глазово... ну, знаешь, где я строюсь.

– А как же, – вспомнил Иван, – не раз возил туда кирпич... Славный будет дом³.

¹ Курочкин В. (В. Овсов). Статьи и фельетоны // Вперёд. – 1953–1954. – № 13, 16, 21, 23, 32, 60, 81, 84, 123, 125, 130, 145, 146, 152.

² Курочкин В. На войне как на войне. Повести, рассказы / сост. Г. Е. Нестерова-Курочкина. – М.: Правда, 1990. – С. 173. – (Б-ка журн. «Знамя»).

³ Курочкин В. (В. Овсов). Статьи и фельетоны // Вперёд. – 1953–1954. – № 13, 16, 21, 23, 32, 60, 81, 84, 123, 125, 130, 145, 146, 152.

Кроме того, в фельетонах появляется главная черта прозы Курочкина – добродушная ирония, которая присуща всему его творчеству, даже произведениям о войне. Курочкин всегда уравнивает грустное и трагичное добродушным юмором. Так и в уже упомянутом фельетоне, воровство и пьянство уравновешено иронией: «Сейчас Николай Анатольевич находится в затруднительном положении. “Наказать, наказать виновника”, – логически размышляет председатель колхоза. Но как? Положение действительно трудное»¹.

Курочкину удаётся, казалось бы, невозможное, совмещение трагического и смешного, при этом произведения его никогда не теряют серьёзного глубокого смысла, а юмор остаётся добрым. Ведь именно в трагичном произведении больше всего нужен контраст света и добра, по мнению Курочкина, всё мрачным быть не может. Ещё В. Пропп отмечал, что комичные, смешные произведения могут быть трагичны по содержанию, в качестве примера он называет «Записки сумасшедшего» и «Шинель» Гоголя, но ещё более уместно сравнение юмора Курочкина с чеховским. И, тем не менее, у В. Курочкина юмор, ирония не заимствованы, его юмор тонок и всегда гармонично уравнивает грустное в произведении. Не случайно одними из первых литературных опытов писателя стали именно фельетоны, умение изобразить даже грустное, серьёзное с иронией впоследствии стало внутренним светом всех дальнейших произведений Курочкина и является особенностью писательского мировоззрения.

Фельетон «Сборщик податей» о рабочих торговля вмещает целый сюжет повести с полноценными художественными образами главных героев и неизменной иронией. Курочкин использует эффемизм «Абессинский налог» для обозначения взятки. Применяет художественные приёмы и тропы. Всё это явно говорит о том, что автор выходит за рамки жанра и уже здесь показывает свой писательский талант.

Фельетон «Бельмесовские эксперименты» – также вполне законченный рассказ с иронией, не обличающий, а, скорее, рассказывающий о странностях характера главного врача больницы Бельмесова, который, возомнив себя Шерлоком Холмсом, решает воспитывать своих сотрудников на опыте, проверяя их бдительность. В. Курочкин, вместо того, чтобы обличать и ругать, раскрывает характер главного героя, показывая особен-

ности, привычки, раскрывая его внутренний мир: «Вот я им испеку штукенцию, век будут помнить, как надо сторожить, – бормотал Степан Кузьмич, торопливо заматывая шарфом шею»². Что говорит, конечно, о художественном даровании автора.

В фельетоне «Клещ» о нечестном зубном враче также целая жизненная история с намеченными образами: «Как же это так? – разводит он руками, – Без патента! ...Грубое нарушение всяких правил и законов. Прикрыть частную лавочку! Давно нужно было прикрыть... безобразия!»

Однако гнев его действует на Шаца как брань повара на кота Ваську в басне И. А. Крылова»³.

Курочкина возмущает несправедливость, и в дальнейшем его творчестве мы видим, что даже незначительная несправедливость и подлость всегда уравновешена добром. Ведь всё плохо в жизни не бывает, после грустного случается радостное, плохое чередуется с хорошим. Курочкин не изображает немедленного возмездия или наказания отрицательных героев, а лишь показывает справедливое равновесие добра, а проявляться оно может по-разному. Так, в повести «На войне как на войне» Сане, которого обманула одна девушка, пишет другая; Наденька из повести «Наденька из Аполева», несправедливо ободённая мужским вниманием, находит свою любовь и выходит замуж и т. д.

Кроме того, создавая эти истории из криминального мира, Курочкин, работавший судьёй, вероятно, использовал свой собственный опыт, который позже выльется в интересную и актуальную сегодня повесть «Записки народного судьи Семёна Бузыкина». Именно после работы судьёй он решил стать писателем, чтобы защищать людей и отстаивать справедливость уже в другом суде, высшем, народном.

Ранние произведения Курочкина отличаются довольно высоким уровнем мастерства. Не случайно Г. Горышин отметит в статье «Пробиться к человеческим душам»: «Перечитывая подряд всё, что написал Курочкин в разное время, за двадцать лет работы, дивисься цельности творческого наследия этого писателя. Он словно и не бывал никогда “молодым”, “начинающим» [3, с. 20].

Это касается не только ранних рассказов, но и написанных уже в поздние годы творчества. Они почти не известны читателю, так как не переиздавались, однако весьма

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

интересны не только для понимания творческого развития писателя, но и литературного процесса в целом.

Его рассказ «Пастух» стал одним из самых первых художественных текстов, представивших послевоенную деревню в творческом арсенале Курочкина. Он был опубликован в 1952 году в «Ленинградской правде». В нём писатель создаёт интересный образ старика Фаддея, который является прообразом последующих деревенских стариков и старух, хранителей памяти, традиций, исконных деревенских устоев. Они как бы связывают поколения человеческого рода. Курочкин часто будет «заселять» ими свои произведения, как и поколение деревенщиков, которые придут в литературу позже. Старики не случайно становятся героями деревенской прозы: они несут в себе традиции, обычаи, культуру нашего народа, обращение к корням, к чести, совести этноса. Деревенская литература пробуждала глубинную память, родовую, этнически-племенную. Память указывала на пахаря, крестьянина, как хранителя духовных основ нации. В. А. Курочкин, как и его современники, считал деревню основой русской жизни, а литературу о ней – органичной частью отечественной культуры.

Исторически сложилось так, что все лучшие произведения русской литературы тесно связаны с природой, с землёй, с исконным чувством родины, почвы под ногами. Русский тип невозможен без бескрайних полей, лесов, озёр, без врождённого ощущения этих пространств. Именно так понимал природу и В. Курочкин. Евгений Носов говорил, что человек – прежде всего пахарь, а воином становится по воле злых обстоятельств. Именно поэтому тема деревни не менее важна для Курочкина, чем военная. Он не идеализирует крестьянство, а художественно правдиво рассказывает нам о тех тяжёлых испытаниях, которые выпали на долю русской деревни и проявились в деревенском мире.

Художественный мир писателя традиционно человечен. Помимо людей в нём оживают и животные. В частности, в «Пастухе» не менее важным персонажем выступает пёс Узнай. Он не только молчаливый собеседник старика. Он ещё и действующее лицо: спасает быка и коров во время грозы, получив при этом серьёзные травмы. В. Курочкин задолго до «Белого Бима» Г. Троепольского и «Мухтара» И. Меттера очеловечивал собаку. Если классики оставляли собаке собачье сознание, то В. Курочкин выписал своего Узная как вполне человеческий характер, всё понимаю-

щий, но неспособный говорить. Позже в повести «Урод» он разовьёт эту тему, появившуюся уже в первом маленьком рассказе. Живой мир у автора и в других произведениях будет играть особую роль, он будет очеловечивать животных, делать их не менее важной частью деревенской и человеческой жизни в целом.

Тема самодеятельности, нередко встречающаяся в произведениях писателей 50–60-х, появляется и у В. Курочкина в рассказе «После концерта». Он по-своему показывает это культурное явление того времени. В центре внимания В. Курочкина оказывается старик, талантливый сказочник-сочинитель. Именно они, эти старики и старухи, становятся позже почитателями и пропагандистами знаменитых сказок Б. Шергина, источником фактического материала научных работ по фольклору. Такие сказки станут золотым фондом русского устного народного творчества. В. Курочкин не пишет сказки полностью, он лишь намечает, начинает сказки, приберегая их для других произведений. Основное внимание и тут уделено сути характеров главных героев. Но сама композиция рассказа, его персонажи – старик со старухой – типичны для традиционной сказки. Образ старухи похож на традиционный образ старух из русских народных сказок. Она мудрая, работающая, не сидит без дела, добрая, хотя и строгая с виду. И вместе с тем его Устинья – волшебница, носительница народной мудрости.

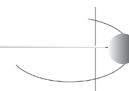
Да и старик в рассказе – многозначный образ, несущий в себе множество смыслов. И определённую символику. Он творческий человек – сказитель, но, по сути, сказитель – это тот же писатель. Именно таковым представляет его В. Курочкин, делает его главным героем. И старик рассказывает сказку про барыню, про клад... И тут же возглас слушателей: «Враньё всё это. Не клад, а нужда сунула мужика в озеро»¹. Это обидело старика, и в то же время он понимает, что не каждому дано постичь необычное. Тут требуется и дар видеть мир по-другому. По-иному в сказке люди понимают такие, казалось бы, явления, как богатство, красота и т. п. В. Курочкин согласен со сказителем: разве быть богатым плохо, если богатство заработано честным трудом.

«– Бабушка Устинья, – спрашиваю я, – правда, тебе чиканашки помогают?»

Глаза у старухи глубоко запали и смотрят на меня, как из колодца, холодно и сердито:

– Какие такие чиканашки?

¹ Курочкин В. После концерта: рассказ // Нева. – 1958. – № 3. – С. 83.

– А такие маленькие, с хвостиком, – поясняя я руками. – Потому у вас такая большая морковка и горох сладкий.

– Откуда ты знаешь, что он сладкий? – грозит Устинья пальцем. – Экий ты глупый малец! – Потом она вздыхает, рвёт в полосатый передник зелёные стручки гороха и высыпает мне в картуз.

– Ешь, ешь, баловник. А матке скажи, чтоб не полоскала языком. Работать, работать надо. Лежебока и в праздник без штанов сидит...»¹.

Устинья на самом деле нежная, добрая, несправедливо обижают её в деревне. В. Курочкину была важнее мысль о том, что работающий крестьянин в деревне всегда был богат. Это он знал сам, живя в деревне. Да и русская поговорка «Кто не работает, тот не ест» здесь как нельзя кстати. Это народная мудрость, которая всегда была свойственна художественной литературе, именно она подпитывала русскую словесность изнутри. Хочется заметить, что в произведениях В. Курочкина зашифровано множество подобных примет, народных поговорок, известных нам с детства истин, посланий от предков, которые напоминают о наших корнях, традициях, устоях. В 50–60-е годы появляется интерес к духовной культуре крестьянства, русскому национальному характеру, это одна из причин расцвета деревенской литературы. В. А. Курочкин не просто чувствовал это как никто другой, но и доказывал своим творчеством.

Интересна структура рассказа. Сначала может показаться, что повествование ведётся от третьего лица – главные герои старик со старухой, но ведь есть же и «я» рассказчика, первое лицо, которое ведёт повествование. И «я» это во многом автобиографично, близко характеру самого писателя, да и воспоминания из детства не случайно всплывают у рассказчика, уж очень близко это к воспоминаниям самого автора. Помимо взрослого «я» рассказчика, здесь ещё и детское, которое создаётся использованием приёма ретроспекции.

Особо хочется сказать о том, как точно передан зимний быт в деревне. «Устинья села за прялку и, поплёвывая на пальцы, тянет бесконечно длинную нитку. В трубу забрался ветер, неуклюже ворочается там, сердито колотит по вьюшке и дует, словно в пустую бутылку»². Известно, что В. А. Курочкин родился и вырос в деревне Кушниково Тверской области и прекрасно знал особенности

этих краёв, именно поэтому в его деревенских произведениях воссоздаётся быт северных деревень. Это было заметно и в «Заколоченном доме», когда, описывая проблемы колхоза, писатель говорит о традиционной северной культуре – льне, и здесь, в рассказе «После концерта», его Устинья занимается характерным для севера делом.

Однако деревенский быт не является главным для писателя. Для него, как и прежде, важнее всего люди. Люди послушали сказку, порадовались, а до стариков им и дела нет. Бросили их идти одних по грязи и ухабам. Рассказчик встречает их на полдороги, провожает и злится, что не подвезли, не проводили. Рассказ заканчивается скрытой моралью, которую можно сформулировать так: надо беречь, уважать старость, уважать артистов и сказителей.

Цикл произведений о войне у В. Курочкина начинается не с повестей, как у многих писателей его фронтового поколения, а с маленького рассказа «Маринка» («Неравный бой» в более поздней редакции). Рассказ начинается так, как часто начинались воспоминания фронтовиков: «Это случилось весной 1944 года. Войска 1-го Украинского фронта наступали в страшную распутицу...»³.

Но дальше перед нами сразу предстают боевые будни, грязь, неразбериха, отвалившаяся у танка выхлопная труба осколком ранит майора. Всё это воюющие люди видели так часто, что уже привыкли и перестали обращать внимание на всё, как бы само собой разумеющееся. Автор рассказа без отступлений переходит к войне. И сразу бросается в глаза удивительный образ маленькой девочки. Босая, полуодетая, она бежит предупредить наших о наступлении немецких танков. Ребёнок – символ мира – на войне в ожесточённом бою усиливает контраст, война выглядит ещё ужаснее.

У В. Курочкина всегда интересен и важен символический план. Здесь, например, немецкие танки сравниваются с удавом: «...вытянулась колонна фашистских танков. Она напоминала огромного удава. И пока машины двигались, серый удав лениво шевелился и злобно плевался огнём»⁴. Очень точный образ гигантского удава, пугающего уже одним своим несокрушимым видом и поглощающим всё на своём пути. Образ змея – это образ зла, традиционно побеждаемого в русских народных былинах и сказаниях. Та-

¹ Курочкин В. После концерта: рассказ // Нева. – 1958. – № 3. – С. 83–84.

² Там же. – С. 84.

³ Курочкин В. Маринка: рассказ // Звезда. – 1964. – № 2. – С. 91.

⁴ Там же. – С. 92.

ковым злом и являлись для русской земли фашистские захватчики.

И хотя рассказ мал по объёму, он вмещает в себя материал повести. Без лишних отступлений и описаний писатель сказал о самом главном: о несовместимости человека и войны на примере судьбы девочки: «Нету у меня папы. Они убили. А мама не ходит – ноги у неё отнялись»¹.

Сама же война воплощена в трёх подвигах наших красноармейцев. Сначала одна тридцатьчетвёрка борется против колонны немецких танков, но лейтенанта ранит. Вместо него в танк садится майор. Уже почти конец войны, однако, майор совершает подвиг, выйдя один против превосходящих сил противника, как это мы нередко видели в произведениях о начале войны («Волоколамское шоссе» А. Бека, «Июль 41-го» Г. Бакланова и т. д.). Но это, по сути, и характеризует всю Великую Отечественную войну, ведь мы победили противника, во много раз превосходящего нас в вооружении и технике, в этом величие нашей победы.

Сержанту сначала кажется бессмысленным поступок майора. Зачем вступать в бой, зная почти наверняка, что погибнешь: «Товарищ майор, куда вы? – попытался удержать его сержант. – Едемте отсюда скорее. Всё равно не задержать их. Только зря погибнем»².

Но подвиг он на то и подвиг, чтобы не задумываясь отдать жизнь ради других, ради победы, ради Родины. Именно такие люди, как майор, решили исход войны, и если бы не литература, о многих из них мы бы и не узнали.

Майор подбивает головной танк и погибает сам: «Машина медленно сползла с бугра. Сержант бросился к ней. С трудом он вытащил майора и перенёс на спине в песчаный карьер. Положив его, сержант снял шапку и укоризненно проговорил:

– Зачем же вы меня не послушали, товарищ майор? Что же я теперь делать буду?

– Дяденька Саша, ему очень больно? – всхлипнула Маринка и вытерла кулаком слёзы.

– Нет, ему уже не больно, – ответил сержант»³.

И всё это время рядом находится девочка, словно напоминая, за что на самом деле воевали, и какой ценой нашему народу досталась победа. Курочкин владел чеховской краткостью, трагедия гибели здесь передаёт-

ся им в нескольких предложениях, в которых даже нет самого слова «смерть», объяснение ребёнку усиливает трагизм произошедшего. И само присутствие девочки озаряет всё происходящее святостью и справедливостью, и сержант, сначала сомневающийся, видя гибель майора, тоже совершает подвиг. Ценой своей жизни он отрезает дорогу танкам, спасая тем самым Маринку и её маму. Ведь, по мнению В. Курочкина, не может быть иначе, зло должно быть наказано, и все погибшие отдали свои жизни ради святого, праведного дела, и этим снимается всякая грязь, несправедливость, иногда несправедность военных реалий, которая часто преобладала во многих произведениях писателей поколения В. А. Курочкина. Ю. Бондарев, Г. Бакланов часто задавались вопросом о напрасных смертях, и в поздних своих произведениях всё больше обвиняли командование и уверялись в том, что можно было снизить потери. В. Курочкин же решил этот вопрос иначе, они погибли за праведное дело и, значит, так было нужно, в этом есть некий религиозный подтекст, совпадающий с православным суждением о том, что на все воля Божья.

У писателя один неравный бой – это Великая Отечественная война. Здесь и подвиг, и бой, и победа, и смерть, и вдовы, и сироты. Поэтому небольшой рассказ В. Курочкина так интересен и оригинален. Следует заметить, что в этом произведении обозначилась неповторимость Курочкина во взгляде на войну, представленную в разных её ликах. Курочкин уравнивает в композиции произведения тёмное, войну, светлым, достигая тем самым гармоничности, свойственной классическим произведениям, и при этом не теряя реалистичности, серьёзности темы. В данном рассказе таким светом выступает в первую очередь сама девочка, они с мамой остаются жить, наши военные побеждают, да и смерть героев не выглядит мрачной, скорее, вызывает гордость и восхищение. Кроме того, удивительно душевное, добродушное, жалостливое отношение к девочке: увидев её босой, майор берёт ребёнка на руки, просит отнести домой, сержант даёт ей сахара, и сама Маринка искренне переживает за них:

– Как, это опять ты?! – удивился майор.

– Угу, – кивнула девочка.

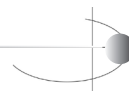
Но, увидев его строгое лицо, залепетала:

– А мне теперь не холодно. Во, посмотрите, – и она показала бежевые от глины полусапожки, обутые на босу ногу, и весело похлопала по плюшевому пальтишку, сшитому из старенького жакета.

¹ Курочкин В. Маринка: рассказ // Звезда. – 1964. – № 2. – С. 92.

² Там же. – С. 93.

³ Там же.

Майор улыбнулся:

– Ах ты, непоседа!»¹.

Таким образом, несмотря на смерть, страшные военные реалии, в рассказе есть надежда на продолжение жизни и радость победы.

Из этого рассказа вырастает повесть «На войне как на войне», ставшая визитной карточкой военной прозы В. А. Курочкина. Она любима читателями, её часто переиздают, по ней был снят фильм, в 2004 году она была переведена на итальянский (перевод Джан-лоренцо Пачини). Однако мало кто знает, что писателю было тяжело расставаться со своими героями и он взялся за предысторию повести «На войне как на войне» – «Товарищи офицеры». Героем её становится уже знакомый нам Пашка Теленков. В. А. Курочкин так и не закончил эту повесть, откладывал, правил, не хотел печатать, повесть вышла уже после его смерти, благодаря вдове писателя, Г. Е. Нестеровой-Курочкиной.

Отрывок, рассказ или же неоконченную повесть предваряет пояснение для читателя: «Среди бумаг Виктора Курочкина имеется автобиографическая рукопись, озаглавленная «Товарищи офицеры». Над нею писатель работал в конце 1965 года. <...> Публикуемый отрывок поможет вдумчивому читателю расширить представление о персонажах повести «На войне как на войне»: о Сане Малешкине и Пашке Теленкове – и проследить процесс созревания замысла следующей повести Виктора Курочкина – «Железный дождь».

Время действия в главе «Товарищи офицеры» предшествует периоду, изображённому в повести «На войне как на войне». Курсанты танкового училища окончили спешное (по условиям военного времени) обучение и с минуты на минуту ждут приказа командования о присвоении им офицерского звания и отправки на фронт»².

По этому небольшому отрывку сложно судить в полной мере о замыслах писателя. Но он многое разъясняет в повести «На войне как на войне». Мы видим предбоевую жизнь будущих героев «На войне как на войне», смерть которых очень тяжело переживалась читателем и не давала возможность увидеть дальнейшую войну их глазами.

Саня Малешкин и здесь мечтает о войне, о подвигах:

«– Что, Малешкин? Боишься, что без тебя до Берлина дойдут? – спросил Теленков.

– А пока мы тут сидим, и дойдут... От Курска до фашистского логова осталось – раз плюнуть, – наивно ответил Саня. – И какого чёрта мы тут сидим?... Кончили учиться, сдали экзамены... А там без нас и войну прикончат»³.

Эти мысли, присущие молодым ребятам, многие из которых остались в нашей памяти героями и стали прообразами литературных персонажей, не покинут Саню и в повести «На войне как на войне» и приведут его к подвигу.

Отрывок «Товарищи офицеры» прежде всего интересен ещё и тем, что теперь мы видим события и героев повести «На войне как на войне» глазами Пашки Теленкова. Это романная структура. Если бы Курочкин закончил это произведение, повесть «На войне как на войне» могла бы стать частью романа – такого, какой в то время как раз начинало появляться у писателей-фронтовиков. Это и «Горячий снег», и «Июль 1941-го», и «Танки идут ромбом» и многие другие.

У В. Курочкина в «Товарищах офицерах» снова уже знакомое нам: «А у Малешкина опять пилотка задом наперёд... Куда только смотрят дежурный и помкомвзвода?»⁴. Писатель не изменяет своего героя, особенности его характера, мельчайшие детали, привычки, уже знакомые нам по повести «На войне как на войне», что делает образ Малешкина целостным. Попав на фронт, он такой же, простой, бесхитростный паренёк. Мы узнаем его сразу, даже если бы Курочкин не назвал фамилии, Малешкин – герой, который уже живёт сам по себе, и второго такого нет. Пашка Теленков совсем другой, эту разницу в их характерах, воспитании, мыслях, мечтах Курочкин неспроста всё время подчёркивает. Теленков – круглый отличник, его портрет висит на Доске почёта, он уверен в себе, умеет командовать, знает, у кого попросить табаку или горсть изюма, его уважают.

Не обходится и без прекрасного пола, несмотря на то, что женские персонажи не принимают участия в повести, о них только думают, вспоминают, говорят, читают письма, из-за девушки чуть не назревает драка, но будущие офицеры тут же мирятся:

«– Я знаю, – продолжал Баранов, – ты не можешь забыть тот дурацкий случай, когда я ушёл с той девчонкой... Верно?

Валька Баранов попал в точку... Теленков промолчал. Баранов засмеялся...

¹ В. Курочкин. Маринка: рассказ // Звезда. – 1964. – № 2. – С. 92.

² Курочкин В. На войне как на войне: повести, рассказы / сост. Г. Е. Нестерова-Курочкина. – М.: Правда, 1990. – С. 422. – (Б-ка журн. «Знамя»).

³ Там же. – С. 425.

⁴ Там же. – С. 430.

– Так её тоже от меня увели на второй день. И увёл-то такой сопливый курсант из пехотного училища...

Теленков не мог сдержаться, чтоб не улыбнуться»¹.

Курочкин здесь также обширно использует иронию, тем самым придавая лёгкость повествованию, акцентируя внимание на юности своих героев, несмотря на постоянный голод и тяжёлые условия пребывания, они шутят, смеются, ссорятся из-за девушек, нет гнетущего осознания тяжести предстоящей отправки на фронт, напротив, им по молодости хочется попасть туда поскорее, совершить подвиги, они завидуют побывавшим на фронте, они ещё не видели реальности войны. Эти приметы своего поколения фронтовиков писателю как никому другому удалось показать очень точно.

Автор мастерски рисует характеры своих героев, при помощи всё той же иронии и незначительных деталей создавая яркие образы. Буквально в нескольких предложениях В. А. Курочкин рассказывает о судьбе героя: «Кличку Птолмей он получил, как только появился в училище. И не столько за свой вид, сколько за свои причуды. В первые дни учёбы вместо уставов и наставлений он читал на занятиях Спенсера с Гегелем. Сперва ему за это дали пять суток простого ареста, потом десять – строгого. Но “губа” не отучила его от страсти к философии»².

Четырнадцатая батарея строит свинарники и полет просо, когда наконец-то приходит долгожданный приказ о присвоении офицерских званий и отправке на фронт. На том и обрывается то ли рассказ, то ли недописанная повесть, а может, и часть романа. Ведь, как мы видим, уже известные образы раскрываются перед нами, при этом оставаясь целостными, что говорит о связанности повествования «Товарищи офицеры» и «На войне как на войне», продолжены темы, проблемы повести «На войне как на войне», даже сама интонация, юмор, лёгкость восприятия, живость, в том числе за счёт диалогов, которых в «Товарищах офицерах» даже больше, чем в «На войне как на войне» – всё это говорит о единстве двух произведений.

Таким образом, перед нами повествование о судьбе двух главных героев, Малешкина и Теленкова, данное с двух точек виденья, два первых лица, что позволяет говорить, конечно же, о романном замысле, как мы уже замечали выше. Однако многие события остаются пропущенными, и мы уже не узнаем про то, как попали на фронт наши герои, какво им было первое время, и всё, что предшествовало повести «На войне как на войне». В. А. Курочкин не закончил и вторую свою военную повесть «Железный дождь», которая также могла, видимо, стать романом.

Результаты исследования. Как мы видим, особенности прозы В. Курочкина проявились ещё в первых его текстах и впоследствии стали отличительными чертами его стилистики. Кроме того, становятся понятны творческие замыслы писателя.

Материалы, основные положения и наблюдения работы будут полезны не только при изучении особенностей развития русской литературы XX века; при чтении курса лекций, спецкурсов, при разработке спецсеминаров для студентов, учебников и методических пособий по русской литературе XX века для вузов и общеобразовательных школ, при написании курсовых и дипломных работ, но и для составления собрания сочинений писателя, которого, к сожалению, пока ещё нет. Произведения В. А. Курочкина, о которых мы рассказали, практически не доступны читателю и малоизвестны исследователям и широкой общественности, в то время как они составляют общую картину творчества писателя, расширяют представление о нём. Поэтому проделанная нами работа представляется весьма актуальной.

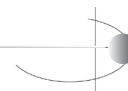
Заключение. В данной статье мы рассказали лишь о некоторых малоизвестных и неизведанных произведениях. Творчество Виктора Курочкина содержит богатый материал для исследователей, вероятно, ещё немало открытий ждёт нас при обращении к его произведениям, которые несправедливо долгое время находились в тени и, появляясь теперь, меняют наше представление не только о творчестве Виктора Курочкина, но и о литературном процессе того времени.

Список литературы

1. Басинский П. Орден Виктора Курочкина // Ясная Поляна. М.; Тула, 1997. № 2.
2. Вильчек Л. Пейзаж после жатвы: деревня глазами публицистов. М.: Сов. писатель, 1988. 309 с.
3. Горышин Г. Пробриться к человеческим душам... // Аврора. 1977. № 12. С. 20–26.

¹ Курочкин В. На войне как на войне: повести, рассказы / сост. Г. Е. Нестерова-Курочкина. – М.: Правда, 1990. – С. 436. – (Б-ка журн. «Знамя»).

² Там же. – С. 424.

4. Ковский В. Между прошлым и будущим. Заметки о деревенской теме в современном литературном процессе // Дружба народов. 1979. № 6. С. 243–261.
5. Леонов Б. Русская литература о Великой Отечественной войне: очерк пережитого дважды. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2010. 496 с.
6. Нестерова-Курочкина Г. Долгое эхо оборванных струн... СПб.: Росток, 2010. 160 с.
7. Памяти В. Курочкина // Эхо. Вокруг и около писем читателей / В. В. Конецкий. СПб.: Блиц, 2001. С. 130–142.
8. Федякин С. Искусство Виктора Курочкина // На войне как на войне: повести / В. Курочкин. СПб.: Азбука-Классика, 2005. С. 5–16.
9. Храпченко М. Б. Художественное творчество. Действительность, человек. М.: Сов. писатель, 1982. 416 с.
10. Якименко Л. На дорогах века. Актуальные вопросы советской литературы. М.: Худож. лит., 1973. 366 с.

Статья поступила в редакцию 11.01.2017; принята к публикации 30.01.2017

Библиографическое описание статьи

Панкратова Т. Б. Неизвестные произведения В. А. Курочкина // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 13–21.

Tatiana B. Pankratova,

Doctoral Candidate,

Maxim Gorky Literature Institute

(25–8 Tverskoy Boulevard, Moscow, 123104, Russia),

e-mail: Terraincognita-825@yandex.ru

Unknown Works by V. A. Kurochkin

Viktor Aleksandrovich Kurochkin's creativity has not been thoroughly studied in domestic literary criticism and needs expanded studying. Perhaps, the reason for that were his courageous views in relation to the party which he displayed in the works. In his creativity, he aspired to the embodiment of the art truth, without wishing to adapt and please censorship, and didn't agree to compromises, as well as many of his heroes defending justice and the views. Few works on his creativity do not consider all his works. In them researchers generally address his most known works while some of his works are almost not known to the reader at all. Viktor Aleksandrovich Kurochkin in domestic literary criticism is often unfairly represented as the author of one famous story *At War as at War*, very seldom remembering rural stories (*Nadenka from Apolevo*, *The last spring*, *Freak*), or the incomplete story *Iron Rain*. However, Kurochkin has both dramaturgic and scenario experiences, interesting stories and feuilletons and many other things. In the article, some unknown and little-known works of the writer are considered. Works are analyzed both in the context of other works by Viktor Kurochkin, and in the context of works of writers of Kurochkin's generation. It is publicly told about some works for the first time. The article expands the idea of Viktor Kurochkin's creativity, gives a representation of features of stylistics of the writer and changes representation of the literary process in the 1950–1960s.

Keywords: unknown works, articles, feuilletons, humour, irony, the nature, works about war

References

1. Basinskii P. Orden Viktora Kurochkina // *Yasnaya Polyana*. М.; Tula, 1997. № 2.
2. Vil'chek L. Peizazh posle zhatvy: derevnya glazami publitsistov. М.: Sov. pisatel', 1988. 309 s.
3. Goryshin G. Probit'sya k chelovecheskim dusham... // *Avrora*. 1977. № 12. S. 20–26.
4. Kovskii V. Mezhdru proshlym i budushchim. Zаметки о derevenskoi teme v sovremennom literaturnom protsesse // *Druzhba narodov*. 1979. № 6. S. 243–261.
5. Leonov B. Russkaya literatura o Velikoi Otechestvennoi voine: ocherk perezhitogo dvazhdy. М.: Izd-vo Lit. in-ta im. A. M. Gor'kogo, 2010. 496 s.
6. Nesterova-Kurochkina G. Dolgoe ekho oborvannykh strun... СПб.: Rostok, 2010. 160 s.
7. Pamyati V. Kurochkina // *Ekho. Vokrug i okolo pisem chitatelei* / V. V. Konetskii. СПб.: Blics, 2001. S. 130–142.
8. Fedyaikin S. Iskusstvo Viktora Kurochkina // *Na voine kak na voine: povesti* / V. Kurochkin. СПб.: Azbuka-Klassika, 2005. S. 5–16.
9. Khrapchenko M. B. Khudozhestvennoe tvorchestvo. Deistvitel'nost', chelovek. М.: Sov. pisatel', 1982. 416 s.
10. Yakimenko L. Na dorogakh veka. Aktual'nye voprosy sovetskoi literatury. М.: Khudozh. lit., 1973. 366 s.

Received: January 11, 2017; accepted for publication January 30, 2017

Reference to the article

Pankratova T. B. Unknown Works by V. A. Kurochkin // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 13–21.